

**«ПОЭТИКА УМОЛЧАНИЯ»: О ГРЕЧЕСКИХ
МОДЕРНИСТАХ (Памяти Ирины Игоревны Ковалёвой)**

**Рецензия на книги: КОВАЛЁВА И.И. В МАСТЕРСКОЙ
КАВАФИСА И ДРУГИЕ ОЧЕРКИ ПОЭТИКИ ГРЕЧЕСКОГО
МОДЕРНИЗМА. М.: МГУ, 2006. 200 с.;**
**КОВАЛЁВА ИРИНА. МОИ ПОЭТЫ. ИЗБРАННЫЕ
ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО И ГРЕЧЕСКОГО.
М.: Итака — Комментарии, 2006. 108 с.**

А.Ю. Зиновьева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; sasha.zinovieva@gmail.com*

Аннотация: Значительная часть литературоведческого и переводческого наследия И.И. Ковалёвой (1961–2007), поэта и филолога, преподавателя кафедры классической филологии филологического факультета МГУ, посвящена осмыслению поэзии греческого модернизма, представлению ее отечественному читателю. Книги, изданные в последний год жизни И.И. Ковалёвой, обнаруживают сложившееся представление исследователя о таких поэтах, как К. Кавафис, Г. Сеферис, М. Сахтурис. И.И. Ковалёва изучает дистанцию между словом сказанным и невысказанным у Кавафиса, размышляет об отношении к традиции Г. Сефериса (связывая это с опытом англо-американских модернистов), описывает особую мифопоэтику М. Сахтуриса. В качестве поэта-переводчика И.И. Ковалёва использует свои научные открытия при переложении названных поэтов на русский язык (в особенности М. Сахтуриса). Как представляется, сделанное И.И. Ковалёвой в области понимания греческой поэзии XX в. еще ждет настоящего осмысления и продолжения ее учениками и коллегами.

Ключевые слова: И.И. Ковалёва; поэзия греческого модернизма; К. Кавафис; Г. Сеферис; М. Сахтурис

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-17

Для цитирования: Зиновьева А.Ю. «Поэтика умолчания»: о греческих модернистах (памяти Ирины Игоревны Ковалёвой) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 225–232.

**THE POETICS OF RESERVE: ON GREEK MODERNISTS
(In memory of Irina Igorevna Kovaljova)**

**KOVALJOVA I.I. IN CAVAFY'S WORKSHOP AND OTHER
STUDIES OF GREEK MODERNISM. M.: MGU, 2006. 200 p.**

**KOVALJOVA IRINA. MY POETS. SELECTED
TRANSLATIONS FROM ENGLISH AND GREEK.**

M.: Itaka — Kommentarii, 2006. 108 p.

Alexandra Yu. Zinovieva

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow; sasha.zinovieva@gmail.com

Abstract: The important part of critical works and poetic translations of the poet and philologist Irina Igorevna Kovaljova (1961–2007), who worked at the Department of Classical Studies of the Faculty of Philology (MSU), is devoted to the understanding of Greek poetical modernism, as well as to presenting it to Russian readers. The books published in the course of the last year of I.I. Kovaljova's life reveal a mature view of such poets as C.P. Cavafy, G. Seferis, M. Sachtouris. I.I. Kovaljova studies the distance between the word said and unsaid in Cavafy's poems, reflects on Seferis's attitude towards literary and cultural tradition (keeping in mind the experience of Anglo-American poetic modernism), describes quite a special mythopoetics of Sachtouris. As a poet I.I. Kovaljova implements her scientific ideas when translating the poets named above into Russian (it is most obvious in her translations of Sachtouris). It seems that I.I. Kovaljova's achievements in the sphere of reception of Greek modernist poetry are still to be fully understood and used by her disciples and colleagues.

Key words: I.I. Kovaljova; Greek modernist poetry; C.P. Cavafy; G. Seferis; M. Sachtouris

For citation: Zinovieva A.Yu. (2023) The Poetics of Reserve: On Greek Modernists (In Memory of Irina Kovaljova). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 225–232.

Очередная годовщина ухода из жизни замечательного литературоведа и переводчика, преподавателя кафедры классической филологии филологического факультета МГУ Ирины Игоревны Ковалёвой (28.06.1961–28.01.2007) закономерно становится естественным, хотя и не единственным поводом задуматься о сделанном ею в отечественной науке. Названия двух последних книг И.И. Ковалёвой, на первый взгляд непритязательные, заставляют лишний раз осознать, что «доступ» в мастерскую знаменитого александрийца Константиноса Кавафиса (1863–1933) ограничен, что очень и очень немногие способны сделать частью русской словесности, по-настоящему «своими», греческих поэтов — как наших современников, так и «небожителей» эпохи высокого модернизма. Поэт, переводчик, автор

многочисленных работ как по классической филологии, так и по неоэллинистике (от Гомера и Гесиода до Костаса Монтиса), один из самых памятных для учившихся у нее студентов и аспирантов наставников. И.И. Ковалёва была из «немногих» — тех, кто мог знакомить не только коллег по цеху, но и широкую аудиторию, владеющую, в лучшем случае, «чуть-чуть латынью, еще меньше — греческим», с малоизвестными или совсем неизвестными именами и, что значительно важнее, бесконечно уточнять, углублять понимание уже «усвоенного», на поверку — поверхностно, а то и превратно. (Книга «В мастерской Кавафиса»¹ посвящена памяти М.Л. Гаспарова: И.И. Ковалёвой приходилось думать о том, что нередко горизонты нашего понимания вынужденно сужаются; сама же она по мере сил стремилась этому противостоять.)

Что лежит в основе «превратностей понимания» поэзии греческого модернизма? Во-первых, полагает И.И. Ковалёва, упорное нежелание русской читающей публики выделить больше одной вакансии «великого греческого поэта XX века». Место это прочно занято Кавафисом, и достаточно представительные (как следует из приведенной в книге И.И. Ковалёвой библиографии) публикации на русском языке Георгоса Сефериса (1900–1971) и Мильтоса Сахтуриса (1919–2005) положения вещей не меняют: эти поэты в отечественное культурное сознание не входят (еще хуже обстоят дела менее переводимого Одиссеаса Элитиса, 1911–1996). Рубежом в восприятии Кавафиса в России может считаться 2000 год, когда вышел в свет составленный С.Б. Ильинской том «Русской Кавафисаны» (М.: ОГИ), включивший основной корпус кавафисовских стихотворений в русских переводах и снабженный солидным научным аппаратом (комментарии, подробный очерк жизни и творчества поэта, эссе и статьи, представляющие разные аспекты кавафисовской поэтики). Три года спустя была издана подготовленная С.Б. Ильинской и Т.В. Цивьян «Проза» Кавафиса (М.: Итака — Комментарии, 2003; в числе переводчиков была и И.И. Ковалёва). В 2011 г., уже после ухода из жизни И.И. Ковалёвой, в серии «Греческая библиотека» под редакцией С.Б. Ильинской появилось «Полное собрание стихотворение» К. Кавафиса (М.: ОГИ).

Кавафис закономерно стал в России литературным памятником, его лицо определенно узнаваемо: согласно известной самоаттестации, «поэт-историк», с иронически-бесстрастной интонацией свидетельствующий о былых катаклизмах (в конечном итоге лишь

---

¹ Книга составлена из работ, посвященных К. Кавафису, Г. Сеферису и М. Сахтурису, отчасти публиковавшихся ранее и (в большинстве своем) переработанных, отчасти опубликованных в этом издании впервые; снабжена книга и приложением, где речь идет о «греческой» теме в поэзии И. Бродского.

отражающих общую катастрофичность человеческого существования), чья поэтика, по определению И. Бродского, «смесь архива и эпитафии» (И.И. Ковалёва, автор статей об эллинизме Мандельштама и Бродского, особо отмечает, что написанное в 1978 г. эссе Бродского о Кавафисе сыграло не последнюю роль в том, что единственная «вакансия» досталась именно этому поэту). При взгляде же критическом история Кавафису «мешает»: вереница исторических лиц, груз прошлых событий слишком отягощают стихотворный текст, сам поэт оказывается «перекультуренным», а для некоторых читателей и «докучно многословным» (М.Л. Гаспаров), при переводе подлежащим сокращению (как в «Экспериментальных переводах» (2003) того же М.Л. Гаспарова).

Для И.И. Ковалёвой подлинный Кавафис — не в его бесстрастии и не в его историзме, не в явных и скрытых цитатах, но в *«поэтике умолчания»*, поэтике отсутствия, анализу которой так или иначе посвящены все собственно «кавафисовские» главы книги «В мастерской Кавафиса». Смысл сказанному поэтом придает принципиально и последовательно *невывыказанное*: «докучные» и несколько однообразные описания роскошных покоев и одеяний, торжеств и ликований (Кавафис не отличается щедростью эпитетов), «каталоги» драгоценностей, переносимые из стихотворения в стихотворение, указывают на неизбежность и неотвратимость катастрофы, гибели героев стихотворения, о которой ничего не говорится напрямую, но обстоятельства которой известны и автору, и читателю (так, например, в «Александрийских царях» (1912), где речь идет об обреченных детях Клеопатры — обреченных, по мысли И.И. Ковалёвой, именно пространностью описания их недолговечного блеска). Грозной «фигурой умолчания» присутствует в стихах Кавафиса на темы эллинистической истории и Рим: лица и факты римской истории (хорошо знакомые читателю) остаются за кадром именно потому, что означают конец, катастрофу, роковой предел, положенный эллинскому миру. Рим не назван — но именно поэтому стихи могут считаться «римскими». Распространяется «поэтика умолчания» и на литературные источники Кавафиса: так, «вычеркнутый», «исключенный» гомеровский текст придает «сдержанному» поэтическому повествованию трагическое измерение («Ночное путешествие Приама», 1893), а известнейшее стихотворение «Царь Деметрий» (1906) сходным образом ориентировано на Плутарха («Кавафис овладевает искусством модернистского *сдвига* — своего текста относительно другого», — так это комментирует И.И. Ковалёва).

Описание «поэтики умолчания» Кавафиса — достижение значительное само по себе, однако едва ли не более примечательно то, что послужило проводником исследовательской мысли: это интерпре-

тация кавафисовской поэзии Г. Сеферисом — именно он впервые указал на умение старшего поэта строить стихотворение вокруг пустоты, заменяя присутствие отсутствием. «Стихи Кавафиса очень часто выражают ту эмоцию, что вызвал бы у нас опустевший постамент. Статуя там прежде стояла, мы видели ее, и вот теперь ее нет» (из эссе Сефериса «К.П. Кавафис и Т.С. Элиот: параллельные» (1946), переведенного И.И. Ковалёвой и неоднократно ею цитируемого [Сеферис 1998]). Сеферис, греческий «европеец», вписавший греческий модернизм в общемировой контекст, обративший внимание на одноприродность поэтических поисков Кавафиса, У.Б. Йейтса и Т.С. Элиота, выделяет «поэтику умолчания» как отличительную черту кавафисовского стиля, придающую лицу поэта действительно «необщее» выражение. Своеобычен Кавафис, вместе с ним своеобычна и поэзия греческого модернизма, отстаивающая себя (и Сеферис — первый) у столь влиятельной поэтики. В этом, пожалуй, главная интрига книги И.И. Ковалёвой: тот уровень поэтического мышления, который, как показывает автор, свойственен «ее» поэтам, как-то сразу отменяет за ненадобностью любые соображения о том, что «греки-де не хуже» своих западноевропейских современников; пути, по которым идут греческие модернисты, значимы сами по себе.

В случае Сефериса это, по его собственному признанию, путь растворения «в таинственном потоке греческой традиции»: как показывает И.И. Ковалёва на примере одной из сеферисовских книг — «Судового журнала-III» (1955), «Сеферис достигает невероятной плотности письма, насыщая свой текст аллюзиями на древнегреческих и византийско-кипрских... авторов, соединяя их с цитатами из псалмов и Откровения Иоанна Богослова, Данте, Шекспира, Одена, Сикельяноса и Кавафиса. ...Целью здесь является не демонстрация эрудиции, но подтверждение права сказать: “Память, где ее ни коснешься, болит”» [Ковалёва. В мастерской... 2006: 142]. Обратная сторона «европейскости» Сефериса в передаче И.И. Ковалёвой — его «греческость», переживаемая им горестно и мучительно, память, понимаемая как боль. В отличие от Кавафиса, свою поэтическую «одиссею» Сеферис понимает не как путь познания и накопления сокровищ, но как схождение в царство мертвых, где поэт жертвенно «расплачивается» за единство греческой традиции, «склеивает свою кровь» «позвонки» многих столетий. Страстное «почвенничество» Сефериса имеет почти что романтическую природу и заметно отличает его как от европейских учителей (от Ж. Лафорга до Т.С. Элиота и Э. Паунда), так и от Кавафиса (заставляя, правда, вспомнить об опыте У.К. Уильямса).

Опрокидывает И.И. Ковалёва и едва сложившиеся представления еще об одном поэте — М. Сахтурисе, которого принято сблизить с сюрреалистами. Надо сказать, что в главах о Сахтурисе авторская интонация заметно меняется: она становится более пристрастной, хотя исследовательская строгость не исчезает, — и все-таки о Сахтурисе говорит прежде всего *поэт* Ирина Ковалёва (в 2003 году в ее переводе была издана книга стихов Сахтуриса: «Голова поэта. Стихи». М.: ОГИ). Похоже, что Сахтурис передал своему переводчику какой-то особый опыт (рискнем предположить, что едва ли не более значительный, чем опыт «именитых» нобелевских лауреатов — Сефериса и Элитиса, не говоря уже о Кавафисе), видимо, это опыт нефилологического, иррационального постижения мифа, открывающегося в повседневном опыте поэта так же естественно, как в детской считалке. «В отличие от огромного большинства поэтов, использующих античный мифологический материал *извне*, Сахтурис погружен в миф, причем не в гармоническую олимпийскую мифологию, а в мифологию древнюю, хтоническую, кровавую. Сахтурис наделен уникальной способностью рассказывать миф изнутри», — пишет филолог И.И. Ковалёва [Ковалёва. В мастерской... 2006: 181]. «Что-то самое страшное оставляет Сахтурис неназванным», — говорит поэт Ирина Ковалёва [Ковалёва. Мои поэты 2006: 165], и нельзя не привести сахтурисовского стихотворения «Словно розы» из книги стихов 1958 г. в ее переводе, со всей очевидностью *не называющего* «самого страшного»: «Трудные времена / испуганные дети / мастерят из бумаги петушков / красят их черным / как погасшие свечи / красят их красным / как окровавленные цветы / и матери удивляются / что потом приходит / взрослый друг / черный-пречерный друг / с золотыми руками / и берет их». Синтаксическая неясность, объясняет переводчик, есть и в оригинале: «берет» то ли петушков, то ли детей. Поэтика Сахтуриса — это тоже «поэтика отсутствия», только отсутствуют книжность, привычные культурные ходы и подходы, сглаживающие экзистенциальный ужас. Как поэт «оголенного» мифа Сахтурис тоже явление уникальное — и относительно Кавафиса, и относительно европейских авангардистов.

Книга избранных переводов «Мои поэты» открывает читателю всю широту переводческих возможностей И.И. Ковалёвой: убедительно звучат англичане и американцы (Шекспир (XXVII сонет), Дж. Донн, Т.С. Элиот, Э. Паунд и др.), но основная часть книги приходится все-таки на греческие переводы, очень разные и поразительно свободные: интонации поэта Ирины Ковалёвой не подавляют перелагаемых ею поэтов, что встречается нечасто. В «Моих поэтах» представлены герои книги «В мастерской Кавафиса», добавляются к ним О. Элитис, К. Монтис, Г. Павлополус, М. Пиерис, Д. Яламас.

Читателю, не владеющему греческим языком, трудно судить о переводческом методе, но, к счастью, его разъясняет сама И.И. Ковалёва в одном из очерков поэтики греческого модернизма. Глава посвящена «поэтике размера» знаменитейшего стихотворения Кавафиса «В ожидании варваров» (1904), неоднократно переведившегося на русский язык. На фоне переводов Г. Шамова (под редакцией И. Бродского), С.Б. Ильинской, А. Величанского перевод И.И. Ковалёвой выглядит чересчур скупым и слегка неуклюжим, поскольку «вопросы» и «ответы», составляющие стихотворение, написаны ею разными размерами. Однако, как показывает переводчик, на подобной «неловкости» и держится во многом замысел Кавафиса: в оригинале сталкиваются пятнадцатипяти- и двенадцатисложник, героический метр послеантической греческой поэзии, размер народных песен и «скептический ямб», размер античной драмы и шекспировской трагедии. «Варваров ожидают» две традиции греческой поэзии, подчеркивая «эллинский» характер несбывшейся (варвары не пришли) и сбывшейся (традиция пресекается) катастрофы. Задача переводчика, вероятно, виделась И.И. Ковалёвой как смысловая точность, понимаемая как *верность поэтическому фону*, на котором создавалось — и продолжает жить — стихотворение. Планка эта максимально высока, преодолеть ее под силу только поэту и одаренному филологу — было под силу. Как сказал (словами Ирины Ковалёвой) Мильтос Сахтурис: «“Это последнее, что я покупаю / на греческие драхмы”, — сказала больная птица / А потом расправила крылья и взмыла в небо».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалёва И.И. В мастерской Кавафиса и другие очерки поэтики греческого модернизма. М., 2006.
2. Ковалёва И. Мои поэты. Избранные переводы с английского и греческого. М., 2006.
3. Сеферис Г. К.П. Кавафис и Т.С. Элиот: параллельные / Пер. с новогреч. И. Ковалёвой // Комментарий. № 15. М., СПб., 1998.

REFERENCES

1. Kovaljova I.I. V masterskoj Kavafisa i drugie ocherki pojetiki grecheskogo modernizma [In Cavafy's Workshop and Other Studies of Greek Modernism]. M.: MGU Publ., 2006. (In Russ.)
2. Kovaljova Irina. Moi poety. Izbrannye perevody s anglijskogo i grecheskogo [My Poets. Selected Translations from English and Greek]. M.: Itaka — Kommentarii Publ., 2006. (In Russ.)
3. Seferis G. K.P. Kavafis i T.S. Eliot: parallel'nye [C.P.Cavafy — T.S.Eliot in Parallel] / Transl. by I. Kovaljova. Kommentarii [Comments]. № 15. M., SPb., 1998. (In Russ.)

Поступила в редакцию 06.11.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 05.02.2023

Received 06.11.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 05.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Александра Юрьевна Зиновьева — к.ф.н., доцент, кафедра истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
sasha.zinovieva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Alexandra Yu. Zinovieva — Ph. D., Associate Professor, Department of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
sasha.zinovieva@gmail.com